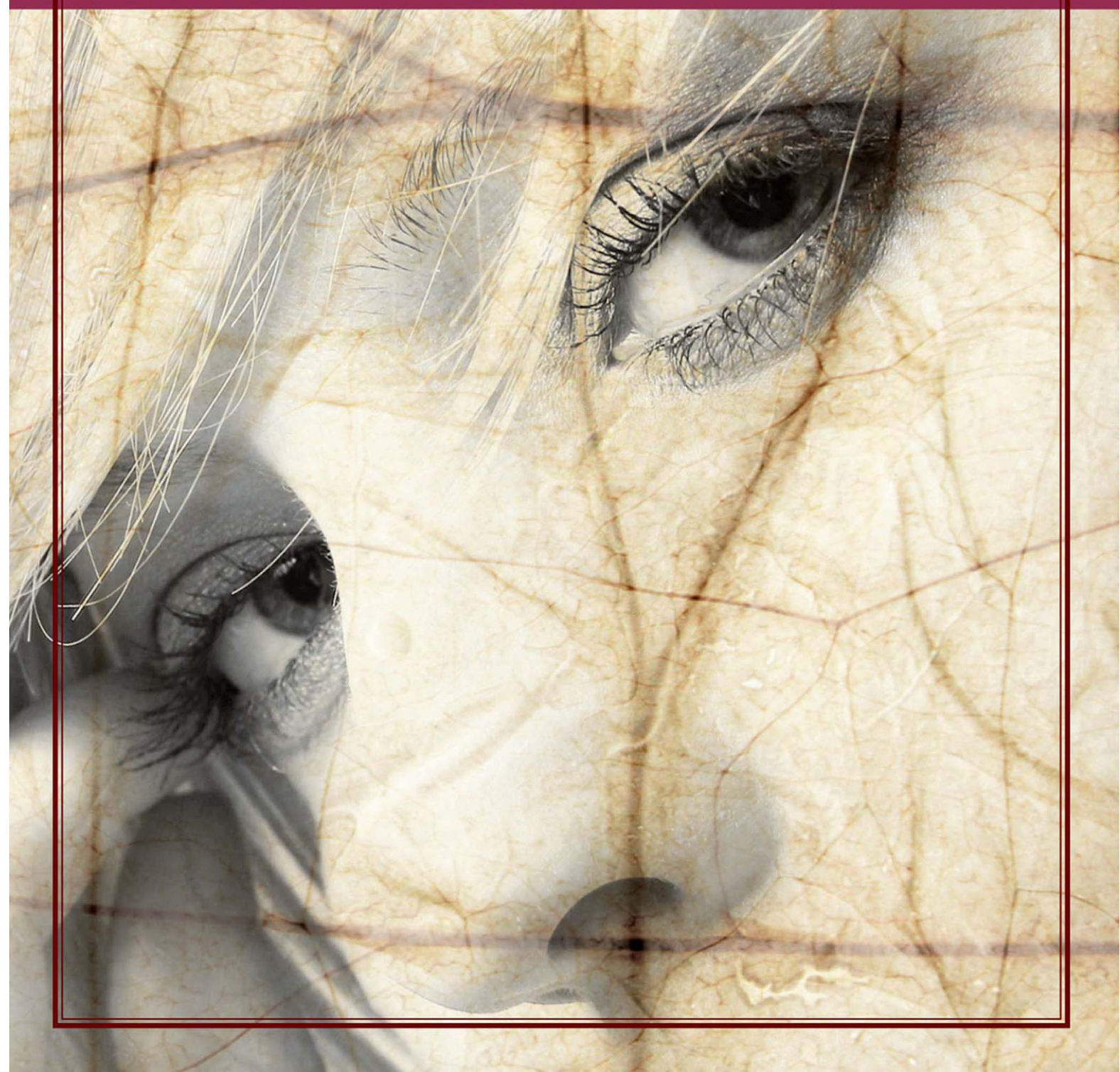

МАРК ЛЕВИ

Между небом и землей

Марк Леви

Между небом и землей

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.133.1-312.6Леви
ББК 84(4Фра)-44

Леви М.

Между небом и землей / М. Леви — «Азбука-Аттикус», 2000

ISBN 978-5-389-03819-6

Сегодня Марк Леви – один из самых популярных французских писателей, его книги переведены более чем на 30 языков и расходятся огромными тиражами. Первый же его роман «Между небом и землёй» поразил необычайным сюжетом. Однажды поздним вечером в квартире одинокого архитектора появляется красивая незнакомая девушка, которая оказывается... привидением, и только он может ей помочь. Права на экранизацию романа приобретены Стивеном Спилбергом. Фильм поставлен одним из самых модных и популярных режиссеров Голливуда Марком Уотерсом («Дрянные девчонки», «Чумовая пятница»). В главной роли – Риз Уизерспун («Блондинка в законе», «Шоссе», «Стильная штучка»). Теперь этот фильм могут увидеть и российские зрители.

УДК 821.133.1-312.6Леви

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-03819-6

© Леви М., 2000

© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марк Леви

Между небом и землей

Marc Levy

ET SI C'ÉTAIT VRAI...

Издательство благодарит Анастасию Лестер за содействие в приобретении прав на данное название

www.marclevy.info

© 2000 Editions Robert Laffont, S.A., Paris

International Rights Management: Susanna Lea Associates

© Генкина Р., перевод с французского, 2001

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Издательство Иностранка®

Марк Леви – популярный французский писатель, его книги переведены более чем на 40 языков и расходятся огромными тиражами. Первый же его роман «Между небом и землей» поразил необычайным сюжетом и силой чувств, способных творить чудеса. И не случайно права на экранизацию сразу приобрел мэтр американского кинематографа – Стивен Спилберг, а поставил фильм один из модных режиссеров Голливуда – Марк Уотерс.

Посвящается Луи

Глава 1

Лето 1996 года

Маленький будильник на ночном столике светлого дерева прозвонил только что. Было полшестого, и комнату заливало золотистое сияние, по которому в Сан-Франциско безошибочно узнают о рассвете.

Обитатели квартиры спали – собака Кали в изножье постели на большом ковре, Лорэн – зарывшись в пуховое одеяло на большой кровати. Здесь, на последнем этаже викторианского дома по Грин-стрит, царила удивительная нега.

Жилище Лорэн состояло из столовой, как это принято в Америке, объединенной с кухней, спальни, гостиной и просторной ванной с окном. Светлый паркет устилал пол везде, кроме ванной, – там он был расчерчен по трафарету краской на черные и белые квадраты. Белые стены украшали старинные рисунки, раздобытые у антикваров на Юнион-стрит, потолок окаймляла деревянная резьба, искусно сработанная мастером начала века и оттененная Лорэн краской цвета карамели.

Несколько джутовых ковров, обшитых шнуром, намечали островки в столовой и в гостиной, у камина. Напротив очага – огромный диван, обитый суровым полотном, так и манил устроиться поуютнее. Мебель терялась в свете на редкость красивых ламп с плиссированными абажурами; их Лорэн подбирала одну за другой последние три года.

Лорэн, врачу-интерну Мемориального госпиталя Сан-Франциско, пришлось задержаться намного дольше обычных двадцати четырех часов, положенных по смене, – начали привозить пострадавших от сильного пожара. Первые машины скорой помощи подлетели к приемной неотложного отделения всего за десять минут до окончания работы, и Лорэн, сопровождаемая безнадежными взглядами коллег, незамедлительно занялась распределением поступивших.

С отточенной до виртуозности сноровкой она, тратя на обследование каждого пациента не более нескольких минут, прикрепляла бирку, цвет которой говорил о степени серьезности положения, назначала первые анализы и направляла санитаров с носилками в соответствующую палату. Распределение шестнадцати человек, доставленных между полуночью и четвертью первого, закончилось ровно в двенадцать тридцать, и хирурги смогли приступить к операциям уже без четверти час.

Лорэн ассистировала профессору Фернштейну на двух операциях подряд и ушла домой только после приказания врача, давшего понять, что, когда усталость берет верх над бдительностью, здоровье пациентов может оказаться в опасности.

Выехав на своем «триумфе» с больничной стоянки, Лорэн на приличной скорости отправилась по пустынным улицам домой. «Я слишком устала и слишком быстро еду», – повторяла она каждую минуту, чтобы побороть сон. Впрочем, одной мысли о возвращении в отделение неотложной помощи, но уже не за кулисы, а прямо на сцену, не в качестве врача, а в роли пациента, хватало, чтобы поддерживать себя в состоянии бодрствования.

Она открыла автоматическую дверь гаража и закатила свою старушку внутрь. Пройдя по коридору, поднялась по лестнице, перескакивая через ступеньки, и с облегчением вошла в квартиру.

Стрелки каминных часов показывали половину третьего. В спальне Лорэн сбросила одежду на пол. Обнаженная, подошла к стойке бара, чтобы приготовить травяной чай. Выстав-

ленных на полке стеклянных бутылей с разными сборами было так много, что казалось, они хранили травяные запахи для каждого мгновения суток.

Лорэн поставила чашку на столик у изголовья, завернулась в одеяло и мгновенно уснула. Закончившийся день был слишком, слишком длинным, а тот, который скоро начнется, требовал встать пораньше. Лорэн решила воспользоваться тем, что два ее свободных дня наконец-то совпали с уикендом, и согласилась приехать к друзьям в Кармел. Оправдываясь накопившейся усталостью, можно было бы, конечно, поспать подольше, но Лорэн ни за что не хотела отказываться от раннего подъема. Она обожала встречать рассвет на дороге вдоль океана, которая связывала Сан-Франциско с бухтой Монтеррей.

Еще наполовину сонная, Лорэн нащупала кнопку будильника и прервала трезвон. Протерла глаза сжатыми кулаками и первым делом обратилась к Кали, лежащей на ковре:

– Не смотри так, меня здесь уже нет.

При звуке ее голоса собака поспешно обошла вокруг кровати и пристроила голову на живот хозяйки.

– Я тебя покидаю на два дня, девочка моя. Мама заедет за тобой часов в одиннадцать. Подвинься, я встану и покормлю тебя.

Лорэн распрямила ноги, протяжно зевнула, вытянув руки к потолку, и вскочила.

Запустив обе руки в волосы, обошла стойку, открыла холодильник, снова зевнула, достала масло, джем, тосты, банку с кормом для собаки, начатую упаковку пармской ветчины, кусок сыра «гауда», две баночки молока, банку яблочного пюре, два натуральных йогурта, хлопья, половинку грейпфрута; вторая половинка осталась на нижней полке. Кали наблюдала за Лорэн, раз за разом кивая головой. Лорэн соорудила собаке страшные глаза и закричала:

– Есть хочу!

Как всегда, она начала с приготовления завтрака в тяжелой глиняной миске для своей питомицы. Потом приготовила завтрак для себя и с подносом устроилась за письменным столом в гостиной.

Лорэн стоило чуть повернуть голову, чтобы увидеть Соссалито с его домами, рассыпанными по склонам холмов, мост Голден-Гейт, вытянувшийся соединительной линией между двумя берегами бухты, рыбный порт Тайборн и прямо под собой – крыши, уступами сбегавшие к заливу. Она распахнула окно; город был тих. Только томные гудки грузовых судов, отплывающих куда-то на восток, смешивались с криками чаек и задавали ритм утру.

Лорэн снова потянулась и с аппетитом здорового человека приступила к легкому гигантскому завтраку.

Накануне вечером она в больнице не ужинала, не хватило времени. Три раза пыталась проглотить бутерброд, но каждая попытка кончалась тем, что начинал дребезжать пейджер, призывая к очередному неотложному больному. Когда кто-нибудь сталкивался с Лорэн и заговаривал, она неизменно отвечала: «Спешу».

Поглотив большую часть еды, Лорэн поставила посуду в мойку и отправилась в ванную.

Скользнула пальцами по деревянным планкам жалюзи, заставив их повернуться, перешагнула через сползшую к ногам белую хлопковую рубашку и встала под душ. Под сильной струей горячей воды Лорэн проснулась окончательно.

Выйдя из-под душа, она обернула полотенце вокруг бедер. Перед зеркалом скорчила гримасу, слегка подкрасилась; натянула джинсы, свитер, стянула джинсы, надела юбку, сняла юбку и снова влезла в джинсы. Достала из шкафа гобеленовую сумку, бросила туда несколько вещей, несессер и почувствовала себя почти готовой к уикенду. Оценила масштаб беспорядка – одежда на полу, разбросанные полотенца, посуда в мойке, незастеленная кровать, – напустила на себя решительный вид и громко заявила, обращаясь ко всему, что находилось в квартире:

– Всем молчать, не ворчать! Вернусь завтра пораньше и устрою уборку за всю неделю!

Потом схватила карандаш, листок бумаги и написала записку, которую прикрепила к дверце холодильника большим магнитом в форме лягушки:

Мама!

Спасибо за собаку, главное – ничего не убирай, я все сделаю, когда вернусь.

Заеду к тебе за Кали в воскресенье около 5 часов. Я тебя люблю. Твой любимый Доктор.

Надела пальто, ласково погладила собаку по голове, поцеловала ее в лоб и захлопнула за собой дверь.

– Уехала, уехала, – повторяла Лорэн, садясь в машину. – Поверить не могу, настоящее чудо, вот если б ты еще завелась. Можешь чихнуть разок для собственного удовольствия. Я залью твой мотор сиропом, прежде чем выбросить на свалку, заменю тебя машиной, напичканной электроникой, у нее не будет ни стартера, ни капризов в холод по утрам, ты меня хорошо поняла, надеюсь?

Следует полагать, что престарелую четырехколесную англичанку потрясли доводы хозяйки, потому что мотор заработал. День обещал быть прекрасным.

Глава 2

Лорэн тронулась с места медленно, чтобы не разбудить соседей. Грин-стрит – красивая улица, обрамленная деревьями и домами, здесь люди знали друг друга, как в деревне.

За шесть перекрестков до Ван-Несс, одной из крупных артерий, пересекающих город, Лорэн переключилась на максимальную скорость.

В бледном свете, с каждой минутой наполняющемся цветовыми переливами, постепенно раскрывалась ослепительная перспектива города. Машина неслась по пустынным улицам. Будто пьянея, Лорэн наслаждалась каждым мгновением.

Крутой поворот на Саттер-стрит. Шум и позвякивание в рулевом управлении. Крутой спуск к Юнион-сквер. Шесть часов тридцать минут, из динамиков кассетного магнитофона гремит музыка, Лорэн счастлива впервые за долгое время. Ко всем чертям стресс, госпиталь, обязанности. Начинается уикенд, принадлежащий только ей, и ни минуты не должно пропасть.

Юнион-сквер безмолвна. Огни витрин уже потушены, кое-где на скамейках еще спят бродяги. Сторож стоянки дремлет в будке. Через несколько часов на тротуары хлынут толпы туристов и горожан. Они стекутся за покупками в большие магазины вокруг площади. Трамваи пойдут один за другим, длинная вереница машин выстроится у въезда на подземную автостоянку, а в раскинувшемся над ней сквере уличные музыканты начнут обменивать мелодии на центы и доллары.

«Триумф» пожирает асфальт, скорость машины все выше. Светофоры горят зеленым. Лорэн бросает быстрый взгляд в зеркало заднего вида, чтобы лучше рассчитать поворот на Полк-стрит, одну из четырех улиц, идущих вдоль парка. Лорэн делает поворот перед гигантским фасадом здания магазина «Масиз». Идеальная кривая, тормоза чуть скрипят, странный звук, череда постукиваний, все происходит очень быстро, постукивания сливаются воедино, смешиваются, рассыпаются на отдельные звуки.

Внезапный треск! Диалог между дорогой и колесами сбивается. Все связи рвутся. Машина движется боком, ее заносит на еще влажной мостовой. Лицо Лорэн искажается. Руки вцепляются в руль, и руль становится чересчур послушным, он готов бесконечно крутиться в пустоте, всасывающей весь остаток дня. «Триумф» продолжает скользить, время словно расслабляется и вдруг потягивается, как в долгом зевке. У Лорэн кружится голова, на самом деле вокруг с поразительной скоростью вращается видимый мир. Машина решила, что она волчок. Колеса резко насакаивают на тротуар, капот, приподнимаясь и обхватывая пожарный гидрант, продолжает тянуться к небу. В последнем усилии автомобиль поворачивается вокруг собственной оси и выгаливает хозяйку, вдруг ставшую слишком тяжелой для пируэта, бросающего вызов законам гравитации. Тело Лорэн, прежде чем удариться о фасад большого магазина, взмывает в воздух. Необъятная витрина взрывается, дробясь и превращаясь в ковер осколков.

Стеклянная простыня принимает тело молодой женщины, которая катится по полу, потом застывает, разметав волосы по куче битого стекла. А старый «триумф» заканчивает бег и карьеру, перевернувшись на спину, наполовину на тротуаре. И вот последний каприз старой англичанки – пар вырывается из ее внутренностей, и она выпускает прощальный вздох.

Лорэн неподвижна и безмятежна. Черты лица спокойны, дыхание медленное и равномерное. На чуть приоткрытых губах тень легкой улыбки, глаза закрыты; кажется, что она спит. Длинные пряди обрамляют лицо, правая рука на животе.

В будке сторож автостоянки жмурит глаза. Он все видел. Потом скажет: «Как в кино, но тут все взаправду». Он вскакивает, выбегает наружу, приходит в себя и бросается обратно, лихорадочно хватая трубку и набирает 911. Вызывает помощь, и помощь выезжает.

Столовая Мемориального госпиталя Сан-Франциско – большая комната с полом, выложенным белым кафелем, и стенами, выкрашенными желтой краской. Прямоугольные пласти-

ковые столы расставлены вдоль центрального прохода, в конце которого автомат-раздатчик напитков и блюд в вакуумной упаковке.

Доктор Филипп Стерн дремал, навалившись грудью на один из столов, с чашкой холодного кофе в руках. Чуть в стороне его напарник раскачивался на стуле, уставившись в пустоту. Пейджер зазвонил в кармане доктора Филиппа Стерна. Он открыл один глаз и, ворча, глянул на часы; смена заканчивалась через пятнадцать минут.

– Надо же! Что значит не везет! Фрэнк, вызови мне коммутатор.

Фрэнк снял трубку телефона, висящего рядом, выслушал сообщение, повесил трубку и повернулся к Стерну.

– Вставай, это нам, Юнион-сквер, код три, похоже, дело серьезное...

Два интерна бригады скорой помощи направились к служебному входу, где их уже ждала машина с включенными мотором и мигалкой. Два коротких сигнала сирены отметили выезд.

Без четверти семь. На Маркет-стрит ни души, и машина на приличной скорости двинулась сквозь раннее утро.

– Паскудство, а между прочим, денек будет неплохой...

– Чем недоволен?

– Тем, что я вымотался и засну, а хорошая погода пройдет мимо.

– Поверни налево, поедem под кирпич.

Фрэнк послушался, «скорая помощь» поднялась вверх по Полк-стрит, направляясь к Юнион-сквер.

– Давай жми, я их вижу.

Когда интерны въехали на большую площадь, в глаза им бросился остов старого «триумфа», обхвативший пожарный гидрант.

– Надо же, не промазал, – заметил Стерн, выпрыгивая из «скорой помощи».

Двое полицейских были уже на месте, и один из них повел Филиппа к остаткам витрины.

– Где он?

– Там, это женщина, и она врач, вроде бы из неотложки. Может, вы ее знаете?

Стерн, который уже стоял на коленях перед телом Лорэн, крикнул напарнику, чтобы тот бежал быстрее. Вооружившись ножницами, он разрезал джинсы и свитер, обнажив кожу. На стройной левой ноге видно было искривление, окруженное большой гематомой, – значит, перелом. Других ушибов на первый взгляд не было.

– Давай присоски и капельницу, у нее нитевидный пульс и нет давления, дыхание 48, рана на голове, закрытый перелом левого бедра с внутренним кровотечением. Две шины давай... Знакомая? Из наших?

– Я ее видел, интерн в неотложке, работает с Фернштейном. Единственная, кто его не боится.

Филипп не отреагировал на последнее замечание. Фрэнк прикрепил семь присосок с датчиками от монитора на грудь женщины, соединил каждую из них проводом определенного цвета с портативным электрокардиографом и подключил прибор. Экран тут же засветился.

– Что на мониторе? – спросил Филипп.

– Ничего хорошего, она уходит. Давление 80 на 60, пульс 140, губы цианозные, я готовлю эндотрахеальную трубку номер семь, будем интубировать.

Доктор Стерн только что ввел катетер и протянул бутылку с раствором полицейскому.

– Держите это повыше, мне нужны обе руки.

На секунду переключившись с полицейского на своего напарника, он велел ввести пятьсот миллиграммов адреналина в перфузионную трубку и немедленно подготовить дефибрилятор. В тот же момент температура Лорэн начала резко падать, а сигнал электрокардиографа стал неровным. В нижнем углу зеленого экрана замигало красное сердечко, мигание сопро-

вождалось коротким повторяющимся писком – сигнал, предупреждающий о неизбежной фибрилляции.

– Ну красotka, держись! Где-то внутри кровит. Какой у нее живот?

– Мягкий, может, кровотечение в ноге. Готов к интубации?

Меньше чем за минуту Лорэн была интубирована, на дыхательную трубку надели переходник. Стерн запросил общие показатели, Фрэнк ответил, что дыхание стабильное, давление упало до 50. Не успел он закончить фразу, как вместо короткого писка аппарат разразился пронзительным свистом.

– Готово, у нее фибрилляция, давай три-ста миллиампер. – Филипп схватил электроды за ручки и потер друг о друга.

– Нормально, ток есть, – крикнул Фрэнк.

– В сторону, даю электрошок!

Под действием разряда тело резко выгнулось животом к небу и снова распласталось.

– Нет, не действует.

– Разряд триста, еще раз.

– Подымай до трехсот шестидесяти, давай.

– В сторону!

Тело дернулось, выгнулось и снова упало без движения.

– Дай мне еще пять миллиграммов адреналина и разряд на триста шестьдесят. В сторону!

Новый разряд, новая судорога.

– Все равно идет фибрилляция! Мы ее теряем, сделай единицу лидокаина в перфу и еще разряд. В сторону!

Тело подбросило.

– Впрыскиваем пятьсот миллиграммов бериллиума, и немедленно готовь разряд на триста восемьдесят!

Еще один электрошок, сердце Лорэн вроде бы начало реагировать на введенные лекарства, появился стабильный ритм, но лишь на несколько мгновений: свист, оборвавшийся на несколько секунд, возобновился с новой силой.

– Остановка сердца! – крикнул Фрэнк.

Тут же Филипп исступленно начал делать непрямой массаж сердца и искусственное дыхание. Не прекращая попыток вернуть женщину к жизни, он умолял: «Не будь идиоткой, сегодня отличная погода, вернись, что мы тебе сделали плохого...» Потом приказал напарнику готовить разряд. Фрэнк попытался охладить его пыл: брось, мол, это уже ни к чему. Но Стерн не отступал; он кричал, требуя, чтобы Фрэнк зарядил дефибриллятор. Напарник повиновался.

В который раз Филипп скомандовал: «В сторону!» Тело вновь выгнулось, но линия на электрокардиограмме осталась прямой. Филипп снова принялся за массаж, на лбу у него проступили капли пота. Он осознавал, что бессилен, и приходил от этого в отчаяние.

Фрэнк видел, что поведение Филиппа вышло за рамки логики. Уже несколько минут назад он должен был бы остановиться и зафиксировать время смерти, но вопреки всему продолжал массаж сердца.

– Еще полмиллиграмма адреналина, и подымай заряд до четырехсот.

– Оставь, Филипп, это бессмысленно, она умерла. Что ты творишь...

– Заткнись и делай, что говорят!

Фрэнк пожал плечами, ввел новую дозу препарата в перфузионную трубку, зарядил дефибриллятор. Он установил пороговый показатель на 400 миллиампер; Стерн, даже не сказав «В сторону», послал разряд. Под воздействием силы тока грудная клетка резко оторвалась от земли. Линия осталась безнадежно прямой. Филипп и не глянул на нее, он и так знал это еще до того, как в последний раз применил электрошок. Филипп ударил кулаком по груди женщины.

– Черт, черт!

Фрэнк схватил Филиппа за плечи и с силой сжал.

– Прекрати, Филипп, ты слетел с катушек, успокойся! Зафиксируй смерть, и сворачивайся. Ты начинаешь сдавать, тебе пора отдохнуть.

Филипп был весь в поту, глаза блуждали. Фрэнк повысил голос, обхватил двумя руками голову друга, заставив того сосредоточить взгляд.

Он еще раз приказал Филиппу успокоиться и, поскольку никакой реакции не последовало, дал ему пощечину. Филипп покорно принял удар. Фрэнк смягчил тон: «Идем в машину, приятель, возьми себя в руки».

Филипп, стоя на коленях и скрючившись, тихо произнес: «Семь часов десять минут, скончалась». Потом, обратившись к полицейскому, который, затаив дыхание, все еще держал бутылку для переливания, сказал: «Увозите ее, все кончено, мы больше ничего не можем сделать». Филипп поднялся, положил руку на плечо напарника и повел его к машине скорой помощи. «Пошли, мы возвращаемся».

Они двинулись с места, тыкаясь в разные стороны, как будто не понимая, что делают. Полицейские проводили врачей взглядом, посмотрели, как они забираются в машину.

– Чего-то с медиками неладно! – сказал один из полицейских.

Второй глянул на коллегу:

– Ты когда-нибудь работал по делу, где ухлопали кого-то из наших?

– Нет.

– Тогда тебе не понять, каково им. Давай, помоги мне, подымаем ее остороженько и кладем в машину.

«Скорая помощь» уже завернула за угол, когда полицейские подняли безвольное тело Лорэн, уложили на носилки и прикрыли одеялом.

Несколько задержавшихся зевак разошлись – смотреть больше было не на что.

В машине, после долгого молчания, Фрэнк заговорил первым:

– Что на тебя нашло, Филипп?

– Ей нет тридцати, она врач, она слишком красива, чтобы умереть.

– Но именно это она и сделала! Ну красивая, ну врач! Она могла быть уродиной и работать в супермаркете. Это судьба, и ничего тут не попишешь, пришел ее час... Вернемся – иди поспи, постарайся выбросить из головы все это.

В двух кварталах позади них полицейские выехали на перекресток как раз в тот момент, когда какое-то такси решило проскочить светофор на желтый свет. Вzbешенный полицейский ударил по тормозам и включил сирену, таксист остановился и рассыпался в извинениях. Из-за толчка тело Лорэн сползло с носилок. Надо было его поправить. Оба полицейских перебрались назад, тот, что помоложе, взял Лорэн за щиколотки, старший – за руки. Лицо его застыло, когда он глянул на грудь молодой женщины.

– Дышит!

– Что?

– Говорю тебе, дышит. Гони в больницу!

– Это ж надо! Я сразу понял, что врачи чокнутые.

– Молчи и рули. Ничего не понимаю, но они обо мне еще услышат.

Полицейская машина вихрем обогнала «скорую помощь» под изумленными взглядами двух интернов – это были «их полицейские». Филипп хотел было включить сирену и пуститься вслед, но его напарник начал возражать, он был совершенно вымотан.

– С чего они так понеслись? – спросил Филипп.

– Откуда я знаю, – ответил Фрэнк, – может, это и не те. Все на одно лицо.

Десять минут спустя врачи припарковались рядом с полицейским автомобилем, дверцы которого так и остались открытыми. Филипп вышел из машины и направился в приемный покой неотложки. Все убыстряя шаг, еще не дойдя до стойки регистратора и даже не поздоровавшись, он обратился к дежурной:

– В какой она палате?

– Кто, доктор Стерн? – спросила медсестра.

– Молодая женщина, которая поступила только что.

– В третьем блоке, к ней прошел Фернштейн. Она вроде из его бригады.

Пододошедший сзади полицейский хлопнул Филиппа по плечу:

– Вы чем думаете?

– Простите?

Простите, простите, да хоть сто раз простите! Толку-то! Как он мог заявить, что женщина мертва, если в полицейской машине она дышала? «Вы отдаете себе отчет, что, если бы не я, ее живой задохнулись бы в холодильнике?» Ничего, он это дело так не оставит!

В этот момент из блока вышел доктор Фернштейн и, делая вид, что не обращает ни малейшего внимания на полицейского, обратился к Филиппу:

– Стерн, сколько доз адреналина вы ей ввели?

– Четыре раза по пять миллиграммов, – ответил интерн.

Профессор принялся его отчитывать, заявив, что подобное поведение свидетельствует об излишнем терапевтическом рвении, а затем, обратившись к полицейскому, объяснил, что Лорэн была мертва задолго до того, как доктор Стерн объявил о ее кончине.

Ошибка медицинской бригады, сказал Фернштейн, заключалась в том, что они проявили излишнее упорство, занимаясь сердцем данной пациентки в ущерб прочим пользователям медицинского страхования. По его словам, введенная жидкость скопилась в области перикарда: «Когда вы резко затормозили, жидкость попала в сердце, которое отреагировало на чисто химическом уровне и забилося». Увы, это ничего не меняет в церебральной кончине жертвы. Что же касается сердца, то, как только жидкость рассосется, оно остановится, «если это уже не случилось». Он предложил полицейскому принести извинения доктору Стерну за совершенно неуместную нервозность и пригласил последнего зайти к нему в кабинет перед уходом.

Полицейский повернулся к Филиппу и пробурчал: «Вижу, тут тоже своих не сдают...» Затем развернулся и вышел. Хотя створки дверей приемного покоя немедленно сомкнулись за полицейским, было слышно, как он хлопал дверцами своей машины.

Стерн остался стоять, упиравшись руками в стойку регистратора и разглядывая прищуренными глазами дежурную медсестру. «Что, в конце концов, происходит?» Та пожала плечами и напомнила, что Филиппа ожидает Фернштейн.

Стерн постучался в дверь начальника Лорэн. Фернштейн пригласил его войти. Стоя у письменного стола спиной к вошедшему и глядя в окно, профессор явно ждал, когда заговорит

Стерн. И Филипп начал говорить. Он признался, что ничего не понял из объяснений Фернштейна. Тот сухо оборвал Стерна:

– Послушайте меня хорошенько, коллега. Я сказал этому офицеру то, чем проще всего было заморочить ему голову, чтобы он не написал рапорт и не сломал вам карьеру. То, что вы сделали, недопустимо для человека с вашим опытом. Надо уметь мириться со смертью, когда она неизбежна. Мы не боги и не несем ответственности за судьбу. Эта женщина умерла до вашего приезда, и упрямство могло дорого вам обойтись.

– Но как вы объясняете то, что она начала дышать?

– Я никак не объясняю и не должен этого делать. Мы знаем не все. Она мертва, доктор Стерн. Другое дело, что вас это не устраивает. Но она ушла. Мне плевать, что ее легкие работают и что сердце бьется самостоятельно. Главное – электроэнцефалограмма прямая. Церебральная смерть необратима. Мы подождем, пока последует остальное, и отправим ее вниз, в морг. Точка.

– Но вы не можете поступить так, посмотрите на факты!

Раздражение Фернштейна проявилось в наклоне головы и повышении тона. Он никому не позволит себя учить. Известна ли Стерну стоимость одного дня в реанимации? Или Стерн полагает, что больница отведет одно койко-место ради поддержания «овоща» в состоянии искусственной жизни? Он настоятельно предлагает интерну повзрослеть. Он отказывается ставить близких перед необходимостью проводить неделю за неделей у изголовья неподвижного, лишенного разума существа, жизнь которого поддерживается исключительно аппаратами. Он отказывается брать на себя ответственность за такого рода решения только ради удовлетворения тщеславия одного врача.

Стерну было приказано отправиться под душ и исчезнуть с глаз. Интерн не двинулся с места, он остался стоять перед профессором, снова и снова повторяя свои доводы. Когда он сделал заявление о смерти, сердечная и дыхательная активность у его пациентки отсутствовала уже десять минут. Ее сердце и легкие прекратили жизнедеятельность. Да, он проявил упорство, потому что впервые за врачебную практику ощутил, что эта женщина не намерена умирать. Филипп увидел в глубине ее открытых глаз, что она борется и пытается выплыть. Тогда он стал бороться вместе с ней, пусть это и выходило за привычные рамки, и десять минут спустя, вопреки всякой логике, в противовес всему, чему его учили, сердце вновь стало биться, легкие – вдыхать и выдыхать воздух.

«Вы правы, – продолжал Филипп, – мы врачи, и мы не знаем всего. Эта женщина – тоже врач». Он умолял Фернштейна дать ей шанс. Известны случаи, когда люди возвращались к жизни после шести месяцев комы, хотя никто ничего не понимал. Ни у кого никогда не получалось то, что получилось у нее, и не важно, сколько будет стоить ее содержание в больнице. «Не позволяйте ей уйти, она не хочет, и она нам это сказала».

Профессор выдержал паузу, прежде чем ответить:

– Доктор Стерн, Лорэн была одной из моих учениц, у нее был тяжелый характер, но был и настоящий талант, я очень уважал ее и питал большие надежды в отношении ее карьеры, как и в отношении вашей; разговор окончен.

Стерн вышел из кабинета, не закрыв дверь. В коридоре его ждал Фрэнк.

– Что ты тут делаешь?

– Да что у тебя с головой, Филипп, ты знаешь, с кем ты говорил в таком тоне?

– Ну и что?

– Тип, с которым ты говорил, – профессор, он знал эту женщину, он работал с ней пятнадцать месяцев, он спас больше жизней, чем ты, возможно, сумеешь спасти за всю врачебную карьеру. Ты должен научиться контролировать себя. Честное слово, иногда ты слетаешь с катушек.

– Отцепись от меня, Фрэнк, свою порцию нравоучений я уже получил.

Глава 3

Доктор Фернштейн закрыл дверь кабинета, снял трубку, заколебался, повесил ее, сделал несколько шагов к окну и решительно вернулся к телефону. Попросил, чтобы его соединили с операционным блоком.

– Это Фернштейн, готовьтесь, мы оперируем через десять минут, сейчас отправлю карту.

Он аккуратно повесил трубку, покачал головой и вышел из кабинета. У двери нос к носу столкнулся с профессором Вильямсом.

– Как дела? – спросил тот. – Угостить тебя кофе?

– Нет, я не могу.

– Чем ты занят?

– Глупостью. Собираюсь сделать глупость. Мне надо бежать, я позвоню...

Фернштейн вошел в операционный блок; зеленый халат был ему узковат в талии. Медсестра натянула ему на руки стерильные перчатки. В огромном помещении операционная бригада окружила тело Лорэн. Позади ее головы монитор пульсировал в ритме ее дыхания и ударов сердца.

– Как показатели? – спросил Фернштейн у анестезиолога.

– Стабильные, очень стабильные. Пульс шестьдесят пять, давление сто двадцать на восемьдесят. Она спит, газовый состав крови нормальный, можете начинать.

Профессор Фернштейн скальпелем сделал надрез на бедре вдоль перелома. Начиная раздвигать мускулы, обратился ко всей бригаде. Называя их «своими дорогими коллегами», он объяснил, что сейчас они увидят, как профессор хирургии с двадцатилетним стажем приступит к хирургическому вмешательству, которое соответствует уровню студента пятого курса: репозиции¹ бедра.

– А знаете, почему я это делаю?

Потому что ни один студент пятого курса не согласился бы провести репозицию бедра пациенту, который церебрально мертв уже более двух часов. По этой причине он просит не задавать вопросов, дел тут максимум на пятнадцать минут, и он благодарен им за то, что они включились в игру.

Лорэн – одна из учениц Фернштейна, и все, присутствующие в операционной, понимали хирурга и готовы были его поддержать.

Зашел рентгенолог и протянул снимки – результаты сканирования. На снимках просматривалась гематома в затылочной доле.

Было принято решение сделать пункцию, чтобы ослабить давление. В задней части головы проделали отверстие, и тонкая игла, движение которой отражалось на мониторе, прошла сквозь мозговую оболочку. Хирург направил ее в область гематомы. Мозг по видимости не был затронут. Зонд начал отсасывать кровяную жидкость. Почти немедленно внутричерепное давление стало падать. Анестезиолог тут же повысил содержание кислорода в смеси, подаваемой через интубационную трубку, чтобы увеличить насыщенность мозга кислородом. Освобожденные от давления, клетки вернулись к нормальной работе, мало-помалу выводя накопившиеся токсины.

С каждой минутой атмосфера в операционной менялась. Как будто все постепенно забывали, что оперируют клинически мертвое человеческое существо. Каждый включился в работу, один отточенный профессиональный жест сменял другой. Операция проводилась методично и четко.

¹ Репозиция – исправление смещения кости с фиксацией ее в анатомическом положении. (Прим. перев.)

Пять часов спустя профессор Фернштейн хлопнул перчатками, стаскивая их с рук. Он попросил зашить разрезы и перевести пациентку в послеоперационную палату. Приказал, чтобы после окончания действия анестезии вспомогательные дыхательные аппараты были отключены.

Он еще раз поблагодарил бригаду за участие в операции и заранее выразил признательность за сдержанное поведение при обсуждении данного случая в будущем. Прежде чем покинуть операционную, профессор попросил одну из медсестер, Бетти, предупредить его, когда она отключит аппараты. Выйдя из блока, быстрым шагом направился к лифтам. Проходя через приемный покой, обратился к дежурной и пожелал узнать, находится ли еще доктор Стерн в больнице. Девушка ответила отрицательно: Стерн ушел совершенно подавленный. Профессор поблагодарил ее и удалился, предупредив, что будет в своем кабинете, если понадобится.

Лорэн перевели из операционного блока в послеоперационную палату. Бетти подключила кардиомонитор, энцефалограф и интубационную канюлю для искусственного дыхания. Окруженная всем этим оборудованием, Лорэн на своем ложе походила на космонавта. Медсестра взяла анализ крови и вышла. У спящей пациентки вид был безмятежный, сомкнутые веки будто намечали контуры мира сна, сладкого и глубокого.

Прошло полчаса, и Бетти позвонила Фернштейну. Она сообщила, что действие анестезии закончилось. Профессор поинтересовался жизненными показателями. Бетти сказала то, чего он и ожидал, – показатели оставались стабильными. Она настойчиво попросила подтвердить указания относительно дальнейших действий.

– Отключайте дыхательный аппарат. Я сейчас спущусь.

И профессор повесил трубку.

Бетти зашла в палату, отсоединила трубку от канюли, предоставив пациентке возможность дышать самостоятельно. Несколько секунд спустя она убрала интубационную трубку, освободив трахею. Отвела назад прядь волос со лба Лорэн, посмотрела на нее с нежностью и вышла, погасив свет. Комната освещалась теперь только зеленым светом энцефалографа. Линия на нем оставалась прямой.

Примерно через час сигнал осциллографа дрогнул, вначале лишь чуть-чуть. Внезапно точка, обозначающая конец линии, рванулась вверх, выписав большой пик, затем стремительно стала падать вниз и, наконец, вернулась на горизонтальную прямую.

Свидетелей этой аномалии не было, Бетти вернулась в палату только час спустя. Она сняла показатели Лорэн, развернула несколько витков регистрирующей ленты, постоянно выползающей из аппарата, обнаружила аномальный пик, нахмурила брови и просмотрела еще несколько витков. Отметив, что дальше на ленте пиков не было, Бетти бросила ленту и не стала задаваться вопросами. Подняв трубку телефона, она вызвала Фернштейна:

– Это я, у нас случай глубокой комы со стабильными показателями. Что я должна делать?

– Найдите кровать на пятом этаже; спасибо, Бетти. – Фернштейн повесил трубку.

Глава 4

Зима 1996 года

Артур нажал на пульте кнопку, открывающую дверь гаража, и закатил машину. Поднявшись по внутренней лестнице, он вошел в свою новую квартиру. Ногой захлопнул дверь, поставил сумку, снял пальто и рухнул на диван. Пара десятков коробок, грудой наваленных посреди гостиной, взывала к его чувству долга. Он переоделся и принялся распаковывать картонки, расставляя книги по полкам. Паркет поскрипывал под ногами.

Намного позже, вечером, все закончив, он сложил пустые коробки, прошелся пылесосом по комнатам и закончил обустройство кухонного уголка. Огляделся. «Похоже, у меня появляются маниакальные наклонности», – сказал он себе.

Отправившись в ванную, на секунду заколебался, выбирая между ванной и душем. Остановился на ванне, пустил воду, включил маленькое радио, стоящее на подоконнике рядом со стенным шкафом, разделся и с глубоким вздохом облегчения залез в воду. Без промедления несколько раз окунулся с головой.

Пегги Ли пела на коротких волнах «Лихорадку». Артур удивился. Звучание было явно стереофоническим, хотя сам аппарат – моно. К тому же, прислушавшись, Артур обнаружил, что шелканье пальцами, сопровождавшее мелодию, доносится из шкафа. Заинтригованный, он вылез из воды и подкрался к дверцам. Звук стал более отчетливым. Он замер в нерешительности, потом набрал в грудь воздуха и распахнул обе створки. И оторопел.

Среди вешалок сидела женщина, одетая в непритязательное платье, босая, глаза прикрыты. Поглощенная ритмом песни, она подпевала и шелкала пальцами.

– Кто вы и что тут делаете? – спросил Артур.

Женщина встрепенулась и распахнула глаза:

– Вы меня видите?

– Разумеется, я вас вижу.

Она казалась потрясенной тем, что он ее видит.

Заверив ее, что он не слепой и не глухой, Артур снова спросил, что она тут делает. Вместо ответа женщина заявила, что это потрясающе. Артур не видел ничего «потрясающего» и куда более раздраженным тоном повторил вопрос: что она делает в его ванной ночью?

– Мне кажется, вы не совсем понимаете, – заговорила она. – Прикоснитесь к моей руке!

Его это озадачило, но она продолжала настаивать:

– Прикоснитесь к моей руке. Пожалуйста!

– Не буду я вас трогать! Что происходит?

Она взяла Артура за запястье и спросила, чувствует ли он ее прикосновение. С видом человека, доведенного до предела, он заверил, что почувствовал, когда она его коснулась, и что он замечательно ее видит и слышит. В четвертый раз спросил, что она делает в шкафу в его ванной. Она проигнорировала вопрос и очень радостно повторила, как «невероятно здорово», что он ее видит, слышит и может коснуться.

Усталый после тяжелого дня, Артур не был расположен шутить.

– Хватит, мисс. Это шутка моего компаньона? Кто вы? Девушка в подарок на новоселье?

– Вы всегда такой грубый? Я похожа на проститутку?

Артур вздохнул.

– Нет, вы не похожи на проститутку, просто вы прятались в моем шкафу почти в полночь.

– Между прочим, голышом стоите вы, а не я!

Артур вздрогнул, схватил полотенце, обернул вокруг бедер и постарался вернуть себе равновесие. Он повысил голос:

– Ладно, шутки в сторону. Вы сейчас вылезете, вернетесь к себе и скажете Полу, что это очень средне, очень, очень средне.

Она сказала, что незнакома с Полом и полагает, что тон лучше сбавить. В конце концов, она тоже не глухая, это другие ее не слышали, она же их слышала отлично.

Он ответил, что очень устал и абсолютно не понимает, что происходит. Она выглядит крайне возбужденной, он же только что закончил расставлять вещи и хочет, чтобы его оставили в покое.

– Будьте так любезны, идите к себе и, кстати, вылезайте в конце концов из шкафа.

– Не торопитесь, это не так легко, я еще не достигла абсолютной точности, хотя за последние дни стало намного лучше.

– Что стало лучше за последние дни?

– Закройте глаза, я попробую.

– Вы попробуете что?

– Вылезти из шкафа, вы же этого хотите? Ну и закройте глаза, мне надо сосредоточиться.

И помолчите.

– Вы совершенно спятили!

– Фу! Хватит скандалить, замолчите и закройте глаза, не будем же мы препираться всю ночь.

Обескураженный Артур повиновался.

Две секунды спустя он услышал голос из гостиной:

– Неплохо, слишком близко к дивану, но неплохо.

Он поспешно вышел из ванной и увидел молодую женщину сидящей на полу посередине комнаты. Вид у нее был такой, как будто ничего не произошло.

– Вы оставили ковры, мне это нравится, но вон та картина на стене отвратительна.

– Я вешаю картины, какие мне хочется, и там, где хочется, и я собираюсь отправиться спать, так что если вы не желаете сказать, кто вы, то и не надо. Уходите! Убирайтесь домой!

– Но это и есть мой дом! То есть был. Все так запутано...

Артур покачал головой. Объяснил, что снял эту квартиру десять дней назад и что это его дом.

– Да. Я знаю, вы мой посмертный квартиросъемщик; ситуация забавная.

– Что вы несете? Агент по недвижимости говорил мне, что владелица квартиры – женщина лет под семьдесят. И что такое – «посмертный квартиросъемщик»?

– Ей было бы приятно услышать – ей уже семьдесят два, это моя мать, и сейчас она мой официальный опекун. Настоящая владелица – я.

– У вас есть официальный опекун?

– Да, ввиду сложившихся обстоятельств мне было бы крайне затруднительно подписывать бумаги.

– Вы находитесь на лечении в больнице?

– Да, это самое меньшее, что можно сказать.

– Они там, наверное, очень беспокоятся. Какая это больница, я вас провожу.

– Скажите на милость, вы меня действительно принимаете за сбежавшую сумасшедшую?

– Да нет...

– Сначала шлюха, теперь сумасшедшая – не слишком ли для первого знакомства?

Ему было глубоко плевать, девица она по вызову или натуральная сумасшедшая, он совершенно вымотан и хочет спать.

Однако она не обращала внимания на его слова и продолжала в том же духе.

– Как вы меня видите? – поинтересовалась она.

– Я не понимаю вопроса.

– Какая я? Я не вижу себя в зеркале, какая я?

– Возбужденная. Вы очень возбуждены.

– Я имела в виду – физически.

Артур замешкался, потом описал ее: высокая шатенка с длинными волосами, очень большие глаза, красивый рот, лицо нежное, в отличие от поведения; упомянул о грациозной пластике и тонких руках с длинными пальцами.

– Если бы я вас спросила, как пройти к метро, вы бы мне рассказали о всех пересадках?

– Простите, я не понял.

– Вы всегда так приглядываетесь к женщинам?

– Как вы вошли, у вас что, дубликат ключей?

– Они мне не нужны. Это так невероятно, что вы меня видите.

Она еще раз повторила, какое для нее чудо, что ее видят. Заявив, что ей понравилось то, как он ее описал, она предложила ему присесть рядом.

– То, что я сейчас расскажу, непросто представить и невозможно допустить, но если вы согласитесь выслушать мою историю, если вы согласитесь отнестись ко мне с доверием, тогда, может быть, в конце концов мне удастся все объяснить, а это очень важно, потому что, сами того не зная, вы – единственный человек в мире, с которым я могу поделиться тайной.

Артур понял, что у него нет выбора. И хотя единственным его желанием было отправиться спать, он сел рядом с женщиной и выслушал самую невероятную историю из всех, слышанных когда-либо.

Ее звали Лорэн Клайн, она была врачом-интерном и шесть месяцев назад попала в серьезную автомобильную аварию.

– С тех пор я в коме. Нет, подождите, дайте объяснить.

Она ничего не помнила об аварии. Пришла в себя в палате, после операции. Ощущения были самые странные: она слышала все, что говорилось вокруг, но не могла ни шевельнуться, ни заговорить.

Сначала она решила, что это последствия наркоза.

– Я ошибалась, часы шли, а мне не удавалось прийти в себя.

Она продолжала все чувствовать, но была неспособна общаться с внешним миром. Решив, что ее парализовало, она пережила самый большой страх в жизни.

– Вы не представляете, через что мне пришлось пройти. Остаться на всю жизнь пленницей собственного тела...

Она изо всех сил стремилась умереть, но трудно покончить с жизнью, когда не можешь двинуть и пальцем. Мать сидела у ее постели. Она мысленно умоляла мать удушить ее подушкой.

А потом в палату вошел врач, она узнала его голос, это был ее профессор.

Миссис Клайн спросила у него, может ли ее дочь что-либо слышать, когда к ней обращаются. Фернштейн ответил, что не знает, но исследования показывают, что люди в ее положении могут улавливать сигналы из внешнего мира, поэтому следует крайне тщательно относиться ко всему, что говорится в присутствии больной.

– Мама хотела узнать, вернусь ли я когда-нибудь. Профессор спокойно ответил, что и этого не знает, нельзя терять надежды, известны случаи, когда больные возвращались после нескольких месяцев – такое случалось очень редко, но случалось. «Все возможно, – сказал он, – мы не боги, мы знаем не все. – И добавил: – Глубокая кома – загадка для медицины».

Как ни странно, она почувствовала облегчение – ее тело было в порядке. Диагноз не слишком утешительный, но зато и не окончательный.

– Полный паралич необратим. А в случае глубокой комы всегда есть надежда, пусть самая маленькая, – добавила Лорэн.

Неделя сменялась неделей, и каждая была длиннее предыдущей. Она проживала их, питаясь воспоминаниями и мыслями о мире вокруг. Однажды ночью, когда Лорэн грезил о

жизни по ту сторону двери палаты, она представила коридор, медсестер, бегающих с охапками медицинских карт или толкающих тележки, коллег, переходивших из одной палаты в другую...

– И тогда это случилось в первый раз: я оказалась посреди коридора, который с такой силой представляла. Сначала я подумала, что воображение сыграло со мной такую шутку – я хорошо знала обстановку, ведь это больница, где я работаю. Но все вокруг потрясло реальностью. Я видела, как ходят люди, как Бетти открыла шкаф, достала оттуда компрессы и снова закрыла, как прошел Стефан, потирая голову. У него нервный тик, он всегда так делает.

Она слышала шум лифта, чувствовала запах еды, которую разносили дежурные.

Лорэн же не видел и не слышал никто. Люди проходили рядом, даже не пытаясь обогнуть ее, совершенно не замечая ее присутствия. Почувствовав усталость, она вернулась в свое тело.

В следующие дни Лорэн научилась передвигаться по госпиталю. Она подумала о столовой и тут же очутилась там, вспомнила о приемном отделении – и оп! она уже там. После трех месяцев упражнений она уже могла удаляться от госпитального комплекса. Так она разделила ужин с французской парой в одном из своих любимых ресторанов, посмотрела полувину фильма в кинотеатре, провела несколько часов в квартире матери.

– Больше я этого не делала; было слишком тяжело находиться рядом и не иметь возможности ничего сказать.

Кали чувствовала ее присутствие и, поскуливая, бегала кругами; это доводило Лорэн до безумия.

Тогда она вернулась сюда: в конце концов, это ее дом, и здесь она чувствовала себя лучше всего.

– Я живу в абсолютном одиночестве. Вы не представляете, что это значит – не иметь возможности ни с кем поговорить, быть совершенно прозрачной, не существовать ни в чьей жизни. Теперь понимаете, как я была удивлена и взбуждена, когда вы заговорили со мной там, в шкафу, и когда я поняла, что вы меня видите? Не знаю, почему так случилось... Но только бы это продолжалось, только бы я могла общаться с вами, у меня накопилось столько всего, что я хотела бы высказать!

Лихорадочный поток фраз сменился тишиной. Слезы заблестели в уголках ее глаз. Она посмотрела на Артура, провела рукой себе по щеке и под носом.

– Вы, наверно, принимаете меня за сумасшедшую?

Артур успокоился; волнение женщины трогало, а поразительный рассказ захватил его.

– Нет, все это, как бы сказать, волнующе, удивительно, непривычно. Я не знаю, что говорить. Я хотел бы вам помочь, но не представляю, что делать.

– Позвольте мне остаться здесь, я буду как мышка, я вас не побеспокою.

– Вы действительно верите во все, что рассказали?

– А вы ни одному слову не поверили? Вы говорите себе, что напротив сидит совершенно рехнувшаяся девица? Тогда у меня нет ни единого шанса.

Артур предложил Лорэн несложный ход. Если бы она в полночь очутилась нос к носу с возбужденным мужчиной, который прятался в ее шкафу в ванной и пытался объяснить, что является чем-то вроде привидения человека, находящегося в коме, – что бы она подумала и как бы реагировала?

Лицо Лорэн смягчилось, сквозь слезы пробилась улыбка. Наконец она признала, что первым делом она бы безусловно заорала; так что у него есть смягчающие обстоятельства.

Он поблагодарил.

– Артур, умоляю вас, вы должны мне поверить. Такое нельзя выдумать.

– Вовсе нет, мой компаньон вполне способен сочинить штуку и похлеще.

– Да забудьте, наконец, про своего компаньона! Он здесь ни при чем, это не розыгрыш...

Когда Артур поинтересовался, откуда она знает его имя, она ответила, что была здесь задолго до его переезда. Так, она видела его во время осмотра квартиры и когда он с аген-

том по недвижимости подписывал арендный договор на кухне. Она была здесь и когда доставили ящики, и когда, распаковывая их, он сломал макет самолета. Справедливости ради она должна признать, что, несмотря на сочувствие, тогда ее здорово позабавило его негодование. Она видела и то, как он вешал эту бездарную мазню.

– Вы чокнутый: двадцать раз двигать диван, прежде чем поставить на единственное подходящее место... Так и хотелось подсказать... Я здесь с вами с первого дня. Все время.

– И когда я под душем, и когда в постели?

– Подглядывать не люблю. Но могу сказать, что вы хорошо сложены. Даже очень, если, конечно, не обращать внимания на лишний жирок.

Артур нахмурил брови. То, что она говорила, – убеждало. Однако Артуру казалось, что он ходит кругами; история женщины не лезла ни в какие ворота. Ей хочется верить в свою историю? Пожалуйста. С какой стати он должен разубеждать ее? Он же не психиатр.

У Артура слипались глаза, и, чтобы покончить со всем этим, он предложил женщине остаться на ночь – он ляжет в гостиной на диване, «который с таким трудом поставил на нужное место», а ей постелит в спальне. А завтра она вернется к себе, в больницу, или куда заблагорассудится, и их пути разойдутся.

Но Лорэн не согласилась. Она встала, полная решимости сделать так, чтобы он выслушал ее, и на одном дыхании перечислила все, чему была свидетельницей в последние дни.

Она пересказала позавчерашний телефонный разговор Артура с Кэрол Энн. «Кэрол Энн бросила трубку сразу после того, как вы выдали сентенцию, кстати весьма напыщенную, объясняя, почему не желаете возвращаться к выяснению отношений. *Поверьте мне!*»

Она напонила о двух чашках, которые он разбил, распаковывая ящики. «*Поверьте мне!*»

Она напонила, как он проспал, а потом ошпарился под душем. «*Поверьте мне!*»

Она напонила и о том, как он, свирепея, долго искал ключи от машины. «*Да поверьте же мне, черт побери!*»

Кстати, на ее взгляд, он очень рассеян, ключи лежали на столике у входа.

«А когда вы ели сэндвич с салями, вы посадили пятно на пиджак, и вам пришлось переодеваться перед выходом. *Теперь вы мне верите?*»

– Почему вы шпионите за мной?

– При чем тут «шпионите», тоже мне, Уотергейт! Может, «жучки» начнете искать?

– Почему бы и нет! По крайней мере, это логичнее, чем ваша история... Ну правда?

– Берите ключи от машины!

– Куда мы едем?

– В госпиталь, посмотреть на меня.

– Сейчас?! Почти час ночи, а я заявлюсь в больницу на другом конце города и попрошу дежурную медсестру оказать любезность: отвести в палату к женщине, призрак которой заявился в мою квартиру. А еще добавлю, что я эту женщину знать не знаю, и что она очень упрямая, и что я хочу спать, и что это единственный способ отвязаться от нее...

– Вы знаете какой-нибудь другой?

– Что «другой»?

– Другой способ. Вы же все равно не уснете.

– Боже, за что? Почему это случилось именно со мной?

– Вы не верите в Бога, вы сами сказали по телефону вашему компаньону, когда обсуждали контракт: «Пол, я не верю в Бога. Если мы заполучим этот подряд, то исключительно потому, что были лучшими, а если упустим, тогда надо будет разобраться и понять, в чем мы не правы». Так вот, подумайте пять минут, в чем вы можете быть не правы, это все, чего я прошу. Поверьте мне! Вы мне нужны, вы единственный человек!..

Артур снял трубку и набрал номер телефона компаньона.

– Я тебя разбудил?
– Да нет, всего час ночи, и я ждал твоего звонка, чтобы отправиться спать, – ответил Пол.
– Почему? Я должен был позвонить?
– Нет, ты не должен был звонить; да, ты меня разбудил. Чего ты хочешь?
– Хочу передать трубку кое-кому и сказать тебе, что твои шутки становятся все глупее и глупее.

Артур протянул трубку Лорэн и попросил поговорить с его компаньоном. Она не могла взять трубку и объяснила ему, что не может ничего удержать в руках. Полу надоело ждать, и он поинтересовался, с кем Артур разговаривает. Артур ухмыльнулся и с видом победителя нажал на аппарате кнопку «громкая связь».

– Ты меня слышишь, Пол?
– Да, я тебя слышу. Скажи: что ты затеял? Я бы хотел поспать.
– Я бы тоже хотел поспать, помолчи секунду. Говорите с ним, Лорэн, вот теперь говорите! Она пожала плечами:
– Как вам угодно. Здравствуйте, Пол. Вы меня, конечно, не слышите...
– Ладно, Артур, сейчас слишком поздно, чтобы звонить и молчать в трубку.
– Ответь ей.
– Кому?
– Особе, которая только что с тобой разговаривала.
– Ты – та особа, которая только что со мной разговаривала, и я тебе отвечаю.
– Ты не слышал никого другого?
– Скажи, ты, случаем, не Жанна д'Арк, которая слышала голоса, призывающие ее спасти короля и Францию?

Лорэн смотрела на Артура с сочувствием.

Артур покачал головой; что ж, даже если эти двое сговорились, купить его оказалось нелегко.

По «громкой связи» было слышно, как Пол снова спросил, с кем Артур разговаривает. Артур попросил Пола забыть обо всем и извинился за поздний звонок. Обеспокоенный Пол осведомился, все ли в порядке и не нужно ли приехать. Артур заверил, что все в порядке, и не забыл поблагодарить.

– Ладно, не за что, красавчик; буди меня когда хочешь, из-за любой фигни и без всяких колебаний, мы с тобой компаньоны в радости и в горе. Так что, если у тебя приключится горе вроде теперешнего, буди меня, и мы его разделим. Ну так я могу спать или у тебя еще что-нибудь?

– Спокойной ночи, Пол.

Оба повесили трубки.

– Отвезите меня в госпиталь, мы бы уже давно там были.

– Никуда я вас не повезу. Я не верю в ваши фантазии. Я устал, мисс, я хочу спать... Так что либо вам спальня, а мне – диван, либо вы отправляетесь восвояси. Это мое последнее предложение.

– Ну что ж, вы еще упрямей, чем я. Ступайте в свою спальню, мне не нужна кровать.

– А вы что будете делать?

– Вас это волнует?

– Да, волнует, и точка.

– Я останусь здесь, в гостиной.

– Только до завтрашнего утра, а потом...

– Да, до завтрашнего утра, спасибо за гостеприимство.

– А вы не будете за мной шпионить?

– Если вы мне действительно не верите, достаточно запереть дверь на ключ. Кстати, если вы беспокоитесь, потому что спите голышом, то, знаете ли, я вас уже видела!

– Разве вы любите подглядывать?

Она напонила ему, что недавно в ванной комнате и подглядывать не надо было, следовало просто ослепнуть. Он покраснел и пожелал ей спокойной ночи.

– Именно, спокойной ночи, Артур, приятных вам снов.

Артур удалился в спальню, хлопнув дверью. «Просто сумасшедшая, – проворчал он. – Дичь какая-то». Он разделся и упал на кровать. Зеленые светящиеся цифры радиобудильника показывали половину второго. Он разглядывал их до двух часов одиннадцати минут. Потом вскочил, оделся и без стука вошел в гостиную.

Лорэн сидела на подоконнике. Не оборачиваясь, она заговорила:

– Я люблю этот вид. А вам нравится? Из-за него я и соблазнилась этой квартирой. Я люблю смотреть на мост, а летом люблю открывать окно и слушать сигнальные гудки грузовых судов. Я всегда мечтала сосчитать волны, которые разбиваются об их форштевни, пока они проходят под мостом Голден-Гейт.

– Ладно, поехали, – вот все, что он сказал в ответ.

– Правда? С чего вы вдруг решились?

– Вы угробили мне ночь; что пропало, то пропало, но лучше разобраться сейчас, завтра я на работе. У меня важная встреча днем, и я должен постараться поспать хотя бы часа два, так что поехали. Может, поторопитесь?

– Ступайте, я к вам присоединюсь.

– Где присоединитесь?

– Говорю же, присоединюсь. Поверьте мне хоть на две минуты.

Артуру казалось, что, имея в виду ситуацию, он и так доверился ей куда больше, чем следовало.

Перед тем как покинуть квартиру, он еще раз поинтересовался фамилией Лорэн. Она сообщила и фамилию, и этаж, и номер палаты, где должна была пребывать, – этаж пятый, палата 505. И добавила: «Запомнить легко – одни пятерки».

Он не видел ничего легкого в том, что предстояло. Артур захлопнул за собой дверь, спустился по лестнице и вошел в гараж. Лорэн уже сидела на заднем сиденье машины.

– Не знаю, как вам это удастся, но впечатляет. Вам бы с Гудини работать!

– Кто это?

– Фокусник.

– У вас обширные познания.

– Пересядьте вперед, это не такси.

– Будьте хоть немного снисходительны, я же предупредила, что мне пока не хватает точности. Заднее сиденье – не так уж плохо, я могла бы приземлиться и на капот. Вообще-то я постаралась сконцентрироваться на внутренней части машины. Уверю вас, я делаю большие успехи.

Лорэн села рядом с Артуром. Машина тронулась. Лорэн смотрела в окно, Артур – на ночную дорогу. Потом поинтересовался, как вести себя в госпитале, чтобы проникнуть в палату в непопозволенное время. Лорэн предложила Артуру представиться кузеном из Мексики, который, узнав о несчастье, провел за рулем весь день и всю ночь, а на рассвете должен улетать на полгода в Англию. По совести говоря, Артур не видел себя типичным южноамериканцем и сомневался, что кто-то клюнет на такую байку.

Лорэн нашла ход его мыслей излишне пессимистическим и сказала, что в случае неудачи они спокойно пройдут в палату утром.

«Сааб» въехал на территорию госпиталя. Лорэн велела повернуть направо, потом на вторую аллею слева и посоветовала встать сразу за серебристой сосной. Когда машина была припаркована, Лорэн указала на ночной звонок, заметив, что не надо звонить слишком долго.

– Это их злит, – сказала она.

– Кого? – спросил он.

– Медсестер, они ведь не умеют телепортироваться, а идти часто приходится с другого конца коридора. А сейчас вам пора бы проснуться...

– Я бы не возражал, – ответил Артур.

Глава 5

Артур вышел из машины и сделал два коротких звонка. Ему открыла невысокая женщина в черепаховых очках, спросила, что нужно. Он, как сумел, изложил свою легенду. Медсестра довела до его сведения, что существует распорядок, и раз уж кто-то дал себе труд такой установить, то, безусловно, для того, чтобы соблюдать, поэтому остается только отложить отъезд и вернуться утром.

Он взмолился; напомнил, что исключение только подтверждает правило; сделал вид, что готов подчиниться, но подчиниться с глубокой скорбью; увидел, что медсестра дрогнула,глянула на часы. Наконец она сказала:

– Я иду на обход, ступайте за мной, не шумите, ничего не трогайте, и чтоб через пятнадцать минут вас здесь не было.

Артур взял ее руку и благодарно поцеловал.

– В Мексике все такие? – поинтересовалась она, чуть улыбнувшись. Потомпустила Артура внутрь и велела следовать за ней.

Они направились к лифтам и поднялись на пятый этаж.

– Я проведу вас в палату, сделаю обход и вернусь. Ничего не трогайте.

Медсестра открыла дверь с номером 505. За дверью царил полутьма. На кровати, вытянувшись, лежала женщина. В свете ночника казалось, что она крепко спит. Издали Артур не мог различить черты лица. Медсестра заговорила приглушенным голосом:

– Проходите, она не проснется, но если вздумаете говорить – выбирайте слова. Когда пациент в коме, все может быть... По крайней мере, так говорят врачи; что бы я сказала – дело другое...

Артур на цыпочках двинулся вперед. Лорэн уже стояла у окна; она позвала его: «Подойдите поближе, я не кусаюсь».

Артур продолжал спрашивать себя, что он здесь делает. Он подошел к кровати и опустил глаза. Сходство поражало. Недвижная женщина была бледнее, чем ее двойник, который улыбался Артуру, но помимо этой детали их черты были идентичны. Он отступил на шаг.

– Это невозможно... Вы ее сестра-близнец?

– Вы безнадежны! У меня нет сестры. Это я тут лежу, я. Помогите мне и постарайтесь допустить недопустимое. Это не трюк, и вы не спите. Артур, у меня есть только вы, и вы должны мне поверить, вы не можете отвернуться от меня. Я нуждаюсь в вашей помощи, вы единственный человек на земле, с которым я за последние шесть месяцев смогла говорить, единственный человек, который ощущает мое присутствие и слышит меня.

– Почему я?

– Не имею ни малейшего понятия, в этом нет никакой логики.

– Это довольно страшно.

– Вы думаете, мне не страшно?

Что до страха, то Лорэн могла продавать его оптом. Она видела, как ее тело вянет день ото дня; тело, сросшееся сейчас с мочевым катетером и питательной капельницей. У Лорэн не было ответа ни на один из вопросов, которые задавал он и которые она сама себе задавала ежечасно с момента катастрофы. «У меня возникают вопросы, которые вам и в голову не приходили». Как долго еще продлится все это? Сможет ли она хоть на несколько дней вернуться к нормальной жизни, в которой ходят на своих ногах и обнимают тех, кого любят? Зачем она много лет изучала медицину, если ей суждено кончить *так*? Сколько осталось дней до минуты, когда ее сердце откажется биться? Она наблюдала за собственной смертью, и ее охватывал дикий страх.

– Я – призрак, Артур.

Он опустил глаза, не желая встречаться с ней взглядом.

– Чтобы умереть, надо уйти, а вы еще здесь. Идемте, пора возвращаться, я устал, и вы тоже. Я вас отвезу.

Одной рукой он обнял ее за плечи и прижал к себе, будто желая утешить. Обернувшись, Артур оказался нос к носу с медсестрой, с удивлением разглядывавшей его.

– У вас руку свело?

– Нет, а что?

– Вы держите руку на весу, а кисть сжата, это не судорога?

Артур резко отпустил плечи Лорэн.

– Вы ее не видите, а? – спросил он медсестру.

– Кого?

– Никого!

– Может, вы немного отдохнете? Что-то вид у вас странный...

Медсестра попыталась подбодрить Артура: «это всегда действует, как шок», «это нормально», «это пройдет».

Артур отвечал очень медленно, будто растерял все слова и теперь пытается их отыскать:

– Нет, все в порядке, я пойду.

Медсестра забеспокоилась, найдет ли Артур дорогу. Он успокоил ее.

– Тогда я оставляю вас здесь, у меня еще полно работы. В соседней палате небольшая неприязнь, надо сменить постель.

Артур поблагодарил и отправился назад по коридору. Медсестра видела, как его рука снова приняла горизонтальное положение, и слышала, как он пробормотал: «Я верю вам, Лорэн, я вам верю». Она нахмурилась и отправилась в соседнюю палату. «Да уж! На некоторых это так действует, что не приведи Господь...»

Артур и Лорэн вошли в лифт. Артур не поднимал глаз. Он молчал, она тоже. Они покинули госпиталь.

В бухту проник северный ветер, принес с собой мелкий секущий дождь и собачий холод. Артур поднял воротник пальто и открыл дверцу Лорэн.

– Давайте пока отложим в сторону фокусы вроде «человек проходит сквозь стены», пожалуйста!

Она села в машину обычным способом и смущенно улыбнулась ему.

Обратный путь прошел в полной тишине. Артур сосредоточился на дороге, Лорэн разглядывала в окно тучи. Только когда они подъехали к самому дому, она вновь заговорила, не отрывая глаз от неба:

– Я так любила ночь – тишину, силуэты без теней, взгляды, каких не встретишь днем. Как будто два мира делят между собой город, не зная друг друга, не имея представления друг о друге. Множество человеческих существ появляются в сумерках и исчезают на рассвете. Никто не знает, куда они уходят.

– И все-таки это дикая история. Согласитесь.

– Да, только не надо заикливаться и остаток ночи повторять одно и то же.

– Не надо о том, что осталось от моей ночи...

– Паркуйте машину, я вас жду наверху.

Артур припарковал машину на улице, чтобы не будить соседей грохотом гаражной двери, пошел в дом. Когда он появился в квартире, Лорэн уже сидела посреди гостиной на ковре.

– Целились на диван? – со смехом спросил он.

– Нет, я целилась на ковер и именно на нем оказалась.

– Врунья! Я уверен, что вы целились на диван.

– А я вам говорю, что целилась на ковер!

– Шулера из вас не получилось бы...

– Я хотела приготовить вам чай, но... лучше сразу отправиться в кровать, у вас осталось не так много времени на сон.

Он расспросил ее об аварии, она рассказала о капризе «старой англичанки», то бишь о «триумфе», который так любила, рассказала об уикенде в Кармеле в начале лета, который закончился на Юнион-сквер. Она не знала, что произошло.

– А ваш друг?

– Что мой друг?

– Вы ехали к нему?

– Задайте вопрос по-другому, – с улыбкой сказала Лорэн. – Вопрос: «Есть ли у вас друг?»

– Был ли у вас друг?

– Спасибо за прошедшее время; да, такое со мной случалось.

– Вы не ответили.

– Вас это касается?

– Нет. И в конце концов, я не понимаю, зачем вмешиваюсь.

Артур развернулся и отправился в спальню; но сначала еще раз предложил Лорэн занять кровать – сам он может спать в гостиной. Она поблагодарила за галантность, но ей и на диване хорошо.

Спать он пошел слишком усталый, чтобы размышлять обо всем, что принес этот вечер, – поговорить можно и завтра. Перед тем как закрыть дверь, он пожелал ей доброй ночи, она же спросила, как будто попросила о последнем одолжении: «Не хотели бы вы поцеловать меня в щеку?»

Артур удивленно наклонил голову.

– У вас сейчас вид десятилетнего мальчика, а я всего лишь попросила вас поцеловать меня в щеку. Меня уже шесть месяцев никто не целовал и не обнимал.

Он вернулся, приблизился к ней, взял за плечи и поцеловал в обе щеки. Она положила голову ему на грудь. Артур почувствовал себя неуклюжим и растерянным. Неловко обхватил руками ее узкие бедра. Она потерлась щекой о его плечо.

– Спасибо, Артур, спасибо за все. А теперь постарайтесь заснуть, вы совершенно измотаны. Я вас скоро разбужу.

Он ушел в спальню, быстро разделся и нырнул под одеяло. Сон сморил его в несколько минут.

Когда он заснул, Лорэн, оставшаяся в гостиной, закрыла глаза, сосредоточилась и приземлилась в хрупком равновесии на подлокотник кресла, напротив постели. Она смотрела, как он спит. Лицо Артура было безмятежно, она даже различила улыбку, таившуюся в уголках губ. Долгие минуты она глядела на него, пока сон не овладел и ею.

Впервые после аварии Лорэн спала.

Когда около десяти часов Лорэн проснулась, Артур еще крепко спал.

– О, черт! – вскрикнула она. Присев у кровати, Лорэн с силой потрясла Артура за плечо. – Просыпайтесь, уже очень поздно.

Он повернулся на другой бок и проворчал:

– Кэрл Энн, не так сильно.

– Очень, очень любезно... Пора просыпаться. Это не Кэрл Энн, и уже пять минут одиннадцатого.

Артур сначала приоткрыл глаза, потом вытаращил их и рывком сел в кровати.

– Сравнение шокирует? – спросила она.

– Вы здесь, это был не сон?

– Могли бы и воздержаться, уж слишком все банально. Поторопились бы, уже начало одиннадцатого.

– Что? – закричал он. – Вы же обещали меня разбудить!

– Я не глухая. Что, Кэрол Энн этим страдала? Простите, я заснула, со мной такого не случилось с того дня, как я попала в госпиталь. Между прочим, я надеялась отпраздновать это с вами, но вижу, вы не в настроении. Идите-ка собирайтесь.

– Слушайте, что это за тон?.. Вы испортили мне ночь и продолжаете в том же духе утром, я бы попросил!..

– А вы с утра потрясающе милы; спящим вы мне нравитесь намного больше.

– Вы устраиваете сцену?

– И не мечтайте, одевайтесь, а то получится, что я опять буду виновата.

– Разумеется, это вы виноваты, и будьте так любезны, выйдите, а то я под одеялом голый.

– А... Теперь у вас приступ целомудрия?

Артур попросил избавить его от семейной сцены, добавив в конце тирады «потому что иначе...».

– Иначе – это часто лишнее слово! – парировала Лорэн. Она пожелала ему всего хорошего и исчезла.

Артур огляделся вокруг и, поняв, что допустил оплошность, после секундного колебания позвал:

– Лорэн? Хватит, я же знаю, что вы здесь. Ну и характер у вас... Да вылезайте же, это глупо...

Стоя голым и размахивая руками, он вдруг столкнулся взглядом с соседом в окне дома напротив, который с изумлением наблюдал за происходящим. Артур рухнул на кровать, схватил одеяло, обернул его вокруг бедер и направился в ванную, бормоча: «Стою голышом посреди комнаты, опаздываю дальше некуда и разговариваю с самим собой – ну что за дичь!»

Войдя в ванную, он открыл дверцу шкафа и тихонько спросил: «Лорэн, вы здесь?» Ответа не было, и он почувствовал разочарование. Быстро ополоснулся под душем. Потом кинулся в спальню, проделал тот же опыт со шкафом и, убедившись в неудаче, начал одеваться.

Артуру пришлось трижды перевязывать узел галстука, наконец он взорвался: «Не руки, а крюки!»

Он зашел в кухню, порылся в ящике в поисках ключей. Ключи лежали в кармане. Он торопливо выскочил из квартиры, застыл на месте, развернулся и снова открыл дверь: «Лорэн, вы где?» Несколько секунд тишины, и он запер замок на два оборота.

На улице Артур поднял глаза к окну соседа и снова встретился с ним взглядом. Послал соседу смущенную улыбку, неловко вставил ключ в дверцу машины и стартовал как ракета.

Когда Артур прибыл в архитектурное бюро, совладельцем которого он был, компаньон ждал его в холле.

При виде Артура Пол покачал головой, скорчил гримасу и лишь затем сказал:

– Может, тебе взять отгул?

– Бери сам, что хочешь, и не доставай меня сегодня.

– Мило, очень мило.

– Что, и ты туда же?

– Ты с Кэрол Энн встречался, что ли?

– Нет, я не встречался с Кэрол Энн, с Кэрол Энн все кончено, и тебе это прекрасно известно.

– Чтобы довести тебя до такого состояния, существуют только две возможности: либо Кэрол Энн, либо новенькая.

– Нет никакой новенькой, отойди, я и так опаздываю.

– Да не может быть, всего-то без четверти одиннадцать. Как ее зовут?

- Кого?
- Ты свою физиономию в зеркале видел?
- А что такого с моей физиономией?
- На тебя посмотреть, так ты провел ночь с атакующим танком... Хоть расскажи!
- Нечего мне рассказывать.
- А ночной звонок и чушь, которую ты нес, – это что такое?

Артур посмотрел на компаньона.

– Слушай, я съел какую-то гадость вчера вечером, ночью меня мучили кошмары, я почти не спал. Пожалуйста, я не в настроении, дай мне пройти, я правда опаздываю.

Пол посторонился. Когда Артур проходил мимо, он легонько похлопал его по плечу: «Я твой друг, так?» Артур обернулся, и Пол добавил:

- Если у тебя неприятности, ты же мне скажешь?
- Да с чего ты взял? Я просто плохо спал, вот и все... Не накручивай.
- Ладно, ладно. Встреча в час дня, они нас ждут в гостинице «Хайат», если хочешь, поедем вместе, потом я вернусь в бюро.
- Нет, у меня еще встреча.
- Как хочешь.

Артур зашел в свой кабинет, поставил сумку, сел, вызвал секретаршу, попросил кофе, развернулся в кресле лицом к окну, откинулся назад и принялся размышлять.

Несколько секунд спустя Морин постучала в дверь – папка с исходящими бумагами в одной руке, в другой чашка и пирожок, балансирующий на краешке блюда.

- Я добавила молока. По-моему, это ваша первая чашка сегодня.
- Морин, у меня на лбу ничего не написано?
- Написано: «Сегодня я еще не пил кофе».
- Сегодня я еще не пил кофе!
- Вам оставили много сообщений, позавтракайте спокойно, ничего срочного нет, я вам оставляю бумаги на подпись. У вас все в порядке?
- Да, у меня все в порядке, просто я очень устал.

Именно в этот момент в комнате появилась Лорэн, чуть промахнувшись и задев угол стола. Она тут же исчезла из поля зрения Артура, упав на ковер. Он вскочил:

- Вы не ушиблись?
- Нет, нет, все в порядке, – сказала Лорэн.
- Почему я должна была ушибиться? – спросила Морин.
- Да нет, не вы, – отмахнулся Артур.
- Морин обвела глазами комнату:
- Нас здесь не очень много.
- Я думал вслух.
- Вы подумали вслух, что я ушиблась?
- Да нет же, я думал о другом человеке и сказал вслух. С вами такого никогда не случилось?

Лорэн уселась, нога на ногу, на краешек стола и обратилась к Артуру:

- Вам совсем не обязательно сравнивать меня с кошмаром!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.